

Археологическая песнь о Нибелунгах

(*Hedeager L. Iron Age myth and materiality: An archaeology of Scandinavia AD 400–1000. London and New York: Routledge, 2011. 287 p.*)

В 2011 г. в издательстве «Рутледж» вышла книга известной датской исследовательницы Лотты Хедеагер «Миф железного века и его материальное соответствие: археология Скандинавии 400–1000 гг. до н. э.». Книга вызвала в скандинавской археологии оживленное обсуждение. За несколько лет появился ряд рецензий, оценки резко расходятся, есть крайне негативные. У нас мало кто слышал об этой книге, так что сообщение о ней представляется уместным¹. Лотта Хедеагер, ранее работавшая в Дании, известна своими яркими трудами по социальному анализу археологических материалов железного века — раннего Средневековья, нашедшими обобщение в книге 1992 г. «Общества железного века. От племени к государству» (вышла в Оксфорде). С 1996 г. исследовательница заведует кафедрой археологии, консервации и истории в Университете Осло (Норвегия). Ее супруг, Кристиан Кристиансен, также датчанин, основатель Ассоциации европейской археологии, работает на кафедре археологии в Гётеборге (Швеция). В 2005 г. Кристиансен в соавторстве с Томасом Ларссоном выпустили книгу «Возникновение общества бронзового века», изданную в Кембридже (Kristiansen and Larsson 2005; см. мою рец. на эту книгу Klejn 2008; Клейн 2009). В ней они реконструировали ментальность бронзового века, рассмотрели индоевропейские мифы и их археологические соответствия бронзового века. В своей новой книге Лотта Хедеагер проделала ту же исследовательскую операцию со следующим периодом — с железным веком.

Она применила к этому времени комплексный подход — провела синтез национальной мифологической традиции (саги, поверья и т. п.) с индивидуальными письменными источниками (хроники, сочинения древних писателей), с древним искусством и археологией. Задолго до выхода этой книги почти все ее выводы уже проскальзывали в статьях Л. Хедеагер и были вкратце сформулированы в ее датской популярной книге «Тени другой действительности: древнесеверные мифы» (Hedeager 1997). Эта книга вызвала критику со стороны ряда специалистов. В новой книге всё снабжено ссылками, материалами, фактуальными аргументами и боковыми подпорками.

Что же так возбудило европейских археологов в этой концепции? Л. Хедеагер рассмотрела на филологическом, историческом, искусствоведческом и археологическом материале судьбу того пантеона индоевропейских богов Севера Европы, которыми занимался ее супруг, сравнивая их с богами Индии и Греции, и пришла к выводу, что в железном веке в этом пантеоне произошел коренной перелом — боги разделились на асов и ванов, и асов возглавил новый бог — Один, повелитель аристократов, воинов и поэтов, вождь одержимых, т. е. шаманов. Это произошло не сразу на переходе от бронзового века к железному. Гальштат и латен прошли в рамках старой ментальности, а новую

¹ Реалистичность концепции Л. Хедеагер о германской мифологии я обсуждал с С. В. Кончей (Киев) и признателен ему за ценные замечания.

принес Век Миграций (V–VI вв. н. э.), когда Римская империя рухнула и варвары, придя в неугомонное движение, тасовали народы и создавали королевства, на основе которых потом надолго возникнут европейские нации. Эта схема позволила Хедеагер выдвинуть ряд смелых (а по мнению части критиков, сумасбродных) предположений и проложить по новым руслам традиционные европейские связи.

В книге пять частей. Первая часть, «Мифический цикл Одина», посвящена самому этому богу и его культовым артефактам — копью Гунгниру и золотому кольцу Драупниру, его животным — двум воронам Хугину и Мунину, волкам Фреки и Гери, восьминогую коню Слейпниру.

Вторая часть, «Слова идентичности», содержит две главы. В первой из них анализируются «Письменные источники о дохристианском прошлом». Из них особое внимание уделяется обеим Эддам — Поэтической (Старшей) и Прозаической (Младшей). Хотя написаны они в XIII в., их сведения восходят к V–VI вв., ибо в них фигурируют царь гуннов Аттила и Германарих, король готов, атакованный в Причерноморье гуннами в 376 г. Далее рассмотрены северные саги, более поздние, как и письменные источники различного времени — в том числе и раннего. Вторая глава этой части, «Мифы о происхождении/этнические связи» рассматривает реальную историю Европы V в. (приложены четыре карты-схемы разных дат в V в.), вторжение гуннов в Европу, их продвижение на запад. Исследовательница считает, что распределение населения было в это время подчинено не этническому размежеванию, а политической группировке вокруг определенных вождей и элит. Рассмотрев переданные древними историками мифы о происхождении династий, она отмечает, что готы, герулы, лангобарды и вандалы — все вели свое происхождение с севера, из Скандинавии. К ним она присоединяет англосаксов, бургундов, данов, обобщая общий тренд — как тягу к северному происхождению. Только франки не имели таких мифов и компенсировали их отсутствие привязкой своих предков к римским цезарям. Возникающую новую германскую этноидентичность она связывает с возникновением германского звериного стиля, а в золотых брактеатах Дании и Швеции, подражаниях римским, усматривает стремление северных вождей уподобиться по статусу императорам.

Третью часть Хедеагер назвала «Конституция инаковости». Под этим она понимает достижение состояния отделенности от реального, обыденного мира, пребывания в ином мире. Тут тоже две главы. В первой из них, названной «Воплощенные в животных», она рассматривает скандинавский звериный стиль от 400 до 1200 г. н. э., в обеих разновидностях — ранней (стиль I) и поздней (стиль II). Стиль I распространен почти по всей германской Европе, а стиль II — только в Скандинавии. Изображения животных тут не натуралистичны, это, собственно, не изображения, а представления, репрезентации. Животные — не домашние, а дикие, сильные и агрессивные. Не только не разграничены виды животных, но и животные и люди. Это смесь животных и человеческих черт, причем людские тела могут быть фрагментированы.

Во всем этом исследовательница находит проявления шаманизма: от переодевания в животных до перевоплощения в животных. С этим связаны и животные имена германских воинов. На изображениях и в кеннингах она находит змея, орла и воронов, вепря, волков, медведя (берсеркеры). Два зверя —

помощника шамана очень напоминают двух воронов и двух волков Одина. При этом колдовство рассматривалось как женская прерогатива, а если мужчина прибегал к нему, это рассматривалось как унижительный поступок.

Вторая глава — «Другие пути как быть в мире». Эта глава посвящена германскому обычаю самоповешения как способа обретения чудесных знаний и способностей. Это способ представлен на изображениях как массовый, и он отражен в казусе самоповешения Одина на девять дней. Это для мужчин. Другой способ, женский, она усматривает в манипулировании с конским фаллосом, который даже имеет свое имя — Вольси. Разбирая фигурки из золотой фольги, исследовательница реконструирует в обществе северных германцев унижительный статус мужчин, подвергавшихся пассивному участию в гомосексуальном акте, переодетых в женский наряд и практиковавших женские занятия, в частности магию, а с другой стороны — возвышающий статус женщин-воительниц, переодетых в мужской наряд, вооруженных и почитавшихся за вождей (вольв).

Четвертая часть — «Вопросы материальности», опять же содержит две главы. В первой, названной «Памятные места», разбирается священный статус некоторых местонахождений, наделяющий их индивидуальными именами и приравнивающий их к почитаемым деятелям («агентам», столь модным в западной археологии). На этих поселениях жили кузнецы, хитрая технология которых окутывала их дымкой культовых персон. Они использовали кости животных и человека для примесей в металл, что в глазах германцев придавало мечам жизненность — их также наделяли индивидуальными именами. В мифологии это положение кузнецов отразилось в образах кузнецов-карликов. Священное значение придавалось золоту, металлу престижа, к добычанию которого было направлено стремление элит. Оно сосредоточивалось вокруг пиршественных хором князя, а эти хоромы в идеализированном виде представляли как хоромы богов в Асгарде. На острове Фуне, на юге у восточного побережья Ютландии, раскопано поселение Гудме, занимавшее, по Хедеагер, в середине железного века уникальное место в космологии нордического региона — с княжеским залом, дальними торговыми связями и богатыми находками. На Ютландии неподалеку от него располагались раннесредневековый город Лунденборг и могильник Мёллегордсмаркен. Гудме рассматривается у Хедеагер как центр культа Одина, главный дом Одина — парадигматическая модель Асгарда (насколько это убедительно — другой вопрос).

Вторая глава этой части (в общем счете книги она уже седьмая) называется «Космический порядок ландшафтов». По Хедеагер, «Век Миграций, строго говоря, — это золотой век Скандинавии» (с. 164). Клады Века Миграций, толкуемые как символическая коммуникация с богами, состоят главным образом из золотых предметов, тогда как клады века викингов, трактуемые как припрятанные «сокровища», состоят из серебра. Но это их единственная разница. Хедеагер предлагает считать те и другие когнитивной картой ландшафта — половина их размещена в пограничных, окраинных местах ландшафта: болотах, озерах, на морских берегах, а сосредоточены они всё же в основном в плодородных регионах. В оба периода клады были связаны с колоссальным притоком богатств издалека и с военной активностью скандинавов. Каждый из кладов имел свою биографию. За каждым стоял «турнир ценностей» (выражение Аппадюрэ). Топография их очерчивает священную территорию, на которой теснились боги и герои.

Далее Хедеагер приступает к пятой части, главной для нее — «Формирование северной мифологии». В этой части четыре главы.

Тема первой — «Пересмотр производства знания». По мнению Хедеагер, мифические и исторические описания, как и современные сочинения, с точки зрения археолога должны трактоваться как гипотезы о прошлом, в которых есть и правда и искажения. Большинство мифов развиваются из реальных событий и наблюдений. Великие эпосы германцев — Вольсунга (это внук Одина) и Нибелунги описывают падение бургундцев под натиском гуннов. Песнь о Нибелунгах написана ок. 1200 г. в чешско-австрийском регионе, сага о Вольсунге — в ряде норвежских источников и в Эдде XIII в. А события происходили в V в. В 437 г. король бургундцев Гундикар пал в битве, Аттила не участвовал в ней. По историческим источникам, он умер от апоплектического удара в 453 г. в ночь своей свадьбы на Хильдико, дочери одного из германских королей. Но слухи приписывали его смерть мести Хильдико. Миф делает ее сестрой Гундикара Гудрун или Кримгильдой, Аттилу называет Этцелем или Атли, а главным героем делает ее брата Зигфрида или Сигурда. В эту историю был инкорпориран рассказ о разгроме гуннами готского короля Германариха, и т. д. В поэме Уидсит («Дальнее путешествие») описывается странствующий поэт, посетивший двор Германариха, и при этом перечисляются 70 племен и 69 героев. Исторической основой поэмы был разгром готов гуннами в 376 г. и бегство готов на юго-запад через Дунай. Но в ряде сказаний гунны сражаются с готами на Висле, а кроме того есть рассказы об их сражении с данами или вообще с неким балтийским народом.

Вторая глава этой части названа «Гипотеза I: гунны в Скандинавии». Исходя из сведений эпоса о сражениях гуннов с данами и простирая гуннскую империю Аттилы в Европе также на Скандинавию, Хедеагер опирается на топонимы Хуннар, Хуннахерред, Хунна бю, Хуннеберг, на звериный стиль, имеющий азиатские корни, шаманистические элементы в культе, и азиатскую страсть к золоту (в римском мире предпочитали серебро). Также введение в конце V в. в Скандинавию в мужской костюм азиатского кафтана. Находит она и чисто гуннские вещицы в Дании — золотые и серебряные пузатые сережки с несомкнутыми концами и бронзовые зеркала. Правда, на представленной ею карте (рис. 9.4) сережки видны почти только в Дании, а зеркала в Европе не поднимаются севернее Подунавья.

Третья глава называется «Гипотеза II: Аттила и переделка скандинавской мифологии». Еще Бернгард Салин в 1903 г. разработал уже существовавшую ранее гипотезу, что культ Одина прибыл в Скандинавию в конце римского времени и в период Великого переселения, а звериный стиль прибыл из Причерноморья. Что соперничество военных богов асов с богами плодородия ванами отражает реальное наслоение богов пришлого из Причерноморья народа на богов местного германского населения. Позже Ж. Дюмезиль и другие исследователи свели дело в духе структурализма к функциональному разделению между богами. Теперь Хедеагер полагает, что Салин был прав, только пришельцы были не сарматами или кем-то вроде них, а гуннами. Она пришла к выводу, что, производя свои династии от Одина, многие германские племена помещают его на севере, в Скандинавии, куда он прибыл, по мифам, из Азии. Исследовательница припомнила книгу датского исследователя военного времени

Нильса Лукмана, изданную в Лейпциге, о том, что в некоторых северных династиях, в частности у Скъёльдунгов, самыми первыми легендарными королями числятся герои, носящие имена (Haldan, Roo, Ottar, Adils), явно совпадающие с именами Аттилы и его отца и сыновей (Huldin, Roas, Octar, Attila). К этому Хедеагер добавила, что в жизнеописании Одина многие моменты совпадают с жизнеописанием Аттилы. Она насчитала таких моментов 16: время конца Римской империи, приход из Азии, завоевание многих царств, победы во всех битвах, три сына, два ворона у Одина, два сокола у Аттилы и т. д.

В четвертой главе пятой части, «Короли-чужестранцы: вторгшиеся из внешнего мира», исследовательница еще раз повторяет идею Лукмана, что гунны повлияли на скандинавские династии и народы, на их историю. Он имел в виду Скъёльдунгов в Лейре (Дания) и Скилфингеров в Старой Упсале (Швеция). Все они вводили традицию погребений в больших курганах. Эта традиция тоже происходит из степей и, видимо, принесена гуннами.

Такова величественная картина, нарисованная Лоттой Хедеагер. В свое время работа Лукмана, появившаяся во время войны, в немецкой оккупации, на немецком языке, носила подспудно антигерманский характер: у начала нордических арийских династий были выявлены неарийские корни! В наше время та же в принципе концепция носит совершенно другой смысл. В духе пост-процессуального, постмодернистского осмысления материала она направлена на разрушение структуралистских и процессуальных схем, выводящих всё из внутренних и хозяйственных факторов, и оживляет тягу ко внешним влияниям и миграциям как объяснительным силам.

Но почему она встретила со столь значительным сопротивлением и даже осуждением? Обычно выдвигаются чисто профессиональные аргументы о недостатках компетенции, естественные, когда речь идет о крупных трудах междисциплинарного синтеза. Большинство критиков обращают внимание на расхождения в датировках тех или иных источников, на пропуск некоторых важных трудов (на деле одиночных), на бездоказательность отдельных утверждений. Мне кажется, главная причина в ином. Концепция, предложенная Лоттой Хедеагер, грандиозна и в этом смысле претенциозна, а наталкивается на привычное неверие многих археологов в диффузионные и миграционные объяснения. Ее истинная слабость в том, что она выдвигает ряд возможных, смелых, красивых, но не доказанных с непреложностью положений, и их слишком много. Накапливаясь, эти необходимые оговорки вероятности в совокупности оставляют махонькую дозу правдоподобия и создают неверие.

Возможно ли, что в жизнеописании Одина отразились элементы жизнеописания Аттилы? Возможно, хотя три сына, всепобеждающая успешность и другие черты есть у слишком многих сказочных героев. Как висение Одина на дереве соотносится с поведением Аттилы? Одноглазый Один схож скорее с Киклопом, чем с Аттилой. Вроде поэзией Аттила, в отличие от Одина, тоже не очень увлекался. Во многом Один другой. А если что-то в нем и от Аттилы, в числе других истоков, то что это дает для общей картины?

Возможно ли, что асы прибыли из Азии и наслоились на местных ванов? Некоторая вероятность существует, но крайне небольшая. Уж очень странно распределение богов по функциям, а кроме того, деление богов на две группы есть и у других индоевропейцев — у ариев: дэвы и асуры (даже с некоторым

созвучием с асами), причем потом они стали обозначать у потомков ариев одни — благих божеств, а другие — злых демонов, но у индоариев — в одном варианте, а у иранцев — в другом, противоположном. У греков тоже: боги и титаны — ведь титаны, по сути, ближайšie родичи богов. Так что нужно искать какие-то другие объяснения этой божественной дихотомии.

Распространился ли культ Одина с севера? Некоторые династические легенды его там мыслят, но реальных подтверждений этому нет. У всех германских племен, кроме скандинавских, имя его начинается со звука W (Вотан и т. п.), у северян тоже раньше так было, потому что известно, что в Скандинавии начальное «w» при ряде условий выпадало. Так что развитие шло от общего к частному, северному. А означает его имя «неистовый», «впавший в транс» и находится в родстве с германским словом *Wüte* — бешенство. Это, конечно, элемент шаманства, но не стоит связывать шаманство только с Сибирью и Азией. У древних греков тоже можно его обнаружить — в оргиастических культах, в образе скифа Аристея.

Действительно ли Один появился в пантеоне только в Век Миграций? Не был ли он старым германским божеством, только пережившим сдвиг специализации? Ведь его недаром отождествляют с римским Меркурием, а исследователи предполагают, что вначале это был бог с функциями медицинско-шаманскими (Shaw 2002).

Были ли гунны в Ютландии? По ныне наличным данным, вряд ли. Топонимы с упоминанием гуннов очень напоминают наши курганы, называемые Шведскими, Французскими могилками и т. п. в местностях, где военного нашествия шведов и французов не бывало. Если какой-то населенный пункт назван гуннским, то это надежное свидетельство того, что вся окружающая среда была не-гуннской. Некоторого средоточия золотых и серебряных сережек в Дании для констатации пребывания там гуннов недостаточно. Оружия гуннского там нет. В Швеции и сережек нет. В Данию они могли попасть по разным причинам. А если и побывали бы какие-то гуннские отряды как-то раз в датской периферии Европы, то что?

Действительно ли датская и шведская династии ведут свое происхождение от гуннов, раз в начальные звенья этих династий включены гуннские имена? Вовсе не обязательно. Имена знаменитых мировых фигур конструкторы династий могли включить вящего престижа ради без всякого реального основания (включали так же, как франки — римских императоров).

По каждому из основных положений Хедеагер можно провести такую коррекцию, не устраняющую ее смелых идей начисто, но вносящую существенное сомнение. Притом, нужно отметить, многие сюжеты, подпирющие ее конструкцию, исследовательница разработала интересно, богато, с увлекательными иллюстрациями и схемами, с привлечением огромного материала. Она, в сущности, написала не сухой научный труд, а искрящуюся мыслями эпопею — своего рода научную оперу, «Нибелунги», величественную, как у Вагнера, но не столь громоздкую. Было неверно воспринимать мифическую байрейтскую романтику Вагнера как музыкальную драму реализма. При начальном появлении многие ее отвергали как музыку сумасшедшего. Но по прошествии времени ее лейтмотивы и аккорды изменили общий стиль. Возможно, что и к обсуждению идей Хедеагер археологи еще будут возвращаться.

Литература

- Клейн Л. С.* 2009. Бронзовый век Европы. Размышления над книгой К. Кристиансена и Т. Ларсона // *РА* 2, 169–175.
- Clunies-Ross M.* 1998. t. 8: 113–115.
- Hedeager L.* 1997. *Skygger af en anden virkelighed: Oldnordiske myther.* Haslev, Samleren: Sammlerens universitet.
- Klejn L. S.* 2008. The Bronze Age of Europe: Reflections on K. Kristiansen and T. Larsson: The Rise of Bronze Age Society (2005) // *NAR* 41, 213–228.
- Kristiansen K., Larsson Th. B.* 2005. *The Rise of Bronze Age Society: Travels, Transmissions and Transformations.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Shaw P. A.* 2002. *Uses of Wodan: The Development of His Cult and of Medieval Responses to It.* Leeds: University of Leeds.